

DOI 10.37386/2305-4077-2023-2-154-167

Л. И. Иванова¹*Институт языка, литературы и истории КарНЦ РАН (Петрозаводск)***А. С. Степанова²***Независимый исследователь (Петрозаводск)*

ФОЛЬКЛОРНОЕ НАСЛЕДИЕ И ПРИЧЕТНАЯ ТРАДИЦИЯ КАРЕЛЬСКОЙ СКАЗИТЕЛЬНИЦЫ П. С. САВЕЛЬЕВОЙ³

В статье рассматриваются биография и фольклорное наследие карельской сказительницы Прасковьи Степановны Савельевой, репрезентирующей язык и фольклор карелов Сегозерья. Основное внимание уделяется причетной традиции, ярким носителем которой она была. Исследуется процесс рождения причитания с точки зрения самой причитальщицы и его место в похоронном обряде сегозерских карелов. Наряду с тем, что это во многом импровизационный жанр, он основывается на многовековой традиции. Это особым образом структурированный текст с устойчивым кругом ритуально заданных мотивов, соблюдением жанровых особенностей поэтического стиля и формульностью языка.

Ключевые слова: фольклор, причитальщица, причеть, похоронный обряд и плач, Сегозерье, карельский язык, импровизация, традиция

L. I. Ivanova*Institute of Language, Literature and History KarRC RAS (Petrozavodsk)***A. S. Stepanova***Independent Researcher (Petrozavodsk)*

FOLKLORE HERITAGE AND LAMENTATION TRADITION OF KARELIAN STORY-TELLER P. S. SAVELYEVA

The article deals with the biography and folklore heritage of the Karelian storyteller Praskovya Stepanovna Savelieva, who represents the language and folklore of the Karelians of Segozero. The main attention is paid to the liturgical tradition, the bright bearer of which she was. The process of the birth of lamentation is studied from the point of view of the lamenter herself and its place in the funeral rite of the Segozero Karelians. Along with the fact that this is largely

¹ Людмила Ивановна Иванова – научный сотрудник сектора фольклористики и литературоведения (с фонограммархивом) Института языка, литературы и истории. Федеральное государственное бюджетное учреждение науки Федеральный исследовательский центр «Карельский научный центр Российской академии наук» (Петрозаводск, Российская Федерация), ljuchiki@mail.ru.

² Александра Степановна Степанова – кандидат филологических наук, иностранный член Общества финской литературы (Suomalaisen kirjallisuuden seura), Общества Калевала (Kalevalaseura), Финноугорского общества (Suomalais-ugrilainen seura), aleksandra.stepanova1930@mail.ru.

³ Финансовое обеспечение исследования осуществлялось из средств федерального бюджета на выполнение государственного задания Карельского научного центра РАН.

an improvisational genre, it is based on a centuries-old tradition. This is a specially structured text with a stable circle of ritually given motifs, observance of the genre features of the poetic style and the formality of the language.

Key words: folklore, wailer, chant, funeral rite and lamentation, Segozerye, Karelian language, improvisation, tradition

О роли сказителя в фольклорном процессе

В мировой фольклористике и собирательской практике отношение к личности сказителя не всегда было одинаковым. На первом этапе собирания в XVIII-XIX веках, когда фольклор воспринимался как творчество и достояние всего народа в целом, сказитель считался достаточно пассивным носителем и только передатчиком традиции и традиционных жанров. Импровизация первыми собирателями не поощрялась, интересовал традиционный текст [Иванова, 2017, с. 235–245]. С последних лет XIX века тенденция начала меняться: наука оценила роль сказителя в фольклорном процессе, в сохранении и развитии устной народной поэзии. Полные биографические сведения об исполнителях карельского фольклора начали фиксировать такие собиратели, как Самули Паулахарью и Ииво Марттинен в Беломорской Карелии, Ииво Хяркинэн – в Приладожье. Все это отразилось в биографиях карельских сказителей, записанных с начала второй половины XIX века и в XX столетии финскими собирателями и изданных в Финляндии [Niemi, 1921]. Постепенно исследователей стал интересовать вопрос о влиянии личности на процесс становления и трансформации жанра в целом и месте отдельного текста или сюжета в творчестве сказителя.

Биография

Прасковья Степановна Савельева (22. 10. 1913. – 15. 06. 2002.) – одна из самых талантливых карельских причитальщиц XX века. Ее имя стало известно благодаря собирательской и исследовательской деятельности кандидата филологических наук, исследователя причетной традиции карелов А. С. Степановой.

П. С. Савельева родилась в октябре 1913 года в д. Курикансельга Мяндусельгской волости (теперь Медвежьегорский район), в обычной многодетной крестьянской семье. Кроме сельского хозяйства отец занимался кузнечеством. Из десяти детей двое умерли в младенчестве, осталось шесть сыновей и две дочери. В семье жила еще незамужняя тетка, сестра отца, от которой маленькая Паша переняла многие народные традиции.

Паша была старшей в семье, поэтому ей с ранних лет приходилось помогать матери по дому. Отец часто брал её и в кузницу, где она раздувала огонь, иногда брала и молоток в руки. Об учебе в школе речь не шла: как считалось в крестьянской среде, девочкам это ни к чему. Хотя при этом братья и младшая сестра выучились грамоте. С 15–16 лет Прасковье пришлось пойти на заработки: работала в лесу на вывозке заготовленных брёвен, в колхозе. Всю жизнь она выполняла тяжелую работу наравне с мужчинами. Следствием этого, как считала Прасковья, была её бездетность. Она была глубоко верующим человеком, старалась жить по заповедям православной церкви.

Фольклорные особенности среднекарельской этнокультурной зоны

Традиционно в области духовной и материальной культуры карелов выделяют три этнокультурные зоны: севернокарельскую (в нее входят собственно-карелы), южнокарельскую (ливвики и людики) и промежуточную между ними среднекарельскую, или сегозерскую. Прасковья Савельева была носителем именно этой традиции. При этом многие исследователи второй половины XX века подчеркивали, что это «существенно различающиеся между собой ареалы» [Никольская, 1981, с. 5–6; Степанова, 1989, с. 48]. И хотя различия касаются не всех сфер фольклорно-этнографической традиции, они весьма заметны [Иванова, 2018, с. 50–59].

Сегозерье находится практически в центре Карелии и располагается вокруг озера Сегозеро. Центральным населенным пунктом является село Паданы, поэтому проживающих на этой территории карелов называют сегозерскими или паданскими. Это место скрещивания различных культурных потоков. Жители данного ареала по языку являются собственно карелами, но между тем они впитали элементы культуры как северных собственно карелов, так и карелов-людиков и карелов-ливвиков, живущих южнее. Заметное влияние на язык и культуру оказало и русское население, издавна проживавшее в прибрежных районах Онежского озера. Этому способствовали торговые и экономические связи, отхожие промыслы и военная служба. Хотя здесь следует говорить о взаимовлиянии культур.

Сегозерский говор относится к собственно карельскому диалекту. Еще в 70–90-х годах XX века восточнее Падан и далее до южной границы диалекта карелы называли свой язык *lappi* лаппи, себя – *lappalazet* лапландцы, а непосредственных южных соседей (как людиков, так и ливвиков) – *vepsä* вепсы. Коренные жители Падан и Сельги называли свой язык *karjala* карельский, а себя – *karjalazet* карелы.

Во время одной из экспедиций у А. С. Степановой состоялся такой диалог с Прасковьей Степановной:

– А карельские песни вы знаете?

– Как же, знаем!

– Так, может, споете карельскую песню *karjalaista pajuo*?

– Споем! – И снова поют русскую.

– Так это же русская песня, на русском языке. А на карельском языке, на котором вы говорите, вы знаете песни?

– А, так тебе нужны песни *lappi lapin rajot*? Мы ведь лопари! – Оказалось, что они свой язык и себя по-карельски называют «лопари *lappi*; говорим по-лопарски *ragizemma lapiksi*», но по-русски говорят о себе, что они карелы и язык у них карельский.

Сегозерье интересно практически полным отсутствием эпической традиции и широким развитием песенной. Ни первый, ни второй факты не свойственны другим республиканским регионам. Ведь Карелия известна всему миру

именно своими древними рунами и в то же время малым количеством записанных исконно карельских лирических песен. Но именно отсутствием эпической традиции можно объяснить широкое распространение лирических песен в сегозерском ареале. Возможно, это результат и русского песенного влияния, которое было достаточно сильным на данной территории. Следует отметить, что уже в середине XIX века почти все мужское население карельского Сегозерья владело русским языком, девушки пели русские песни. На карельском языке здесь встречались некоторые баллады, лиро-эпические и свадебные песни, заговоры, были широко распространены частушки. Известна сказочная традиция этого региона.

Фольклорное наследие П. С. Савельевой

Прасковья Степановна прекрасно знала всю фольклорную традицию своего края, кроме сказочной. От нее записаны причитания и заговоры, песни и частушки, пословицы и загадки, былички о Сюндю и других мифологических персонажах, нарративы о гаданиях, о традиционных деревенских праздниках, бесёдах и о том, как выходили замуж в старину, об институте адвво и о многом другом [Конкка, 1980]. Но в первую очередь, она была талантливой причитальщицей. Уже в 1976 году было опубликовано пять ее причитаний [Степанова, 1976, с. 153–157, 171–172, 183–185, 219–221, 237–238]. Все фольклорное наследие П. С. Савельевой, кроме лирических и танцевальных песен, заимствованных у русского населения, записано на карельском языке с диалектными особенностями, которые свойственны сегозерским, или паданским, карелам.

А. С. Степановна впервые встретила с Савельевой летом 1970 г. В соседних деревнях все говорили о женщине по имени Паша (Прасковья) из Мяндусельги, как о хорошей плакальщице, и рекомендовали поговорить именно с ней. Вот как Александра Степановна спустя полвека вспоминает эту встречу: «И вот я у нее дома, с некоторой робостью, в сомнениях, как сложатся наши отношения, согласится ли она причитывать или будет отговариваться, как это обычно бывает. Но вскоре все сомнения рассеялись. Мы с ней записывали материал в течение одного дня, но по результативности этот день стоил многих. Достаточно сказать, что она исполнила десять первоклассных причитаний: пять похоронных, поминальный, плач на свадьбе падчерицы, рекрутский плач и внеобрядовый плач о своей жизни. Уже здесь в полной мере проявился ее талант причитальщицы, талант импровизатора, выявилась разносторонность ее репертуара.

С самого начала встреча с Прасковьей Степановной произвела сильное впечатление на собирателя. А. С. Степанова вспоминает: «Было субботнее утро, яркое июльское солнце освещало избу! Хозяйка хлопотала около печи, ставила в печь пироги. Я поздоровалась, ответив по-карельски, она предложила сесть без лишних расспросов. Рассказала, кто я, откуда, и зачем приехала к ней: так как земляки говорят о твоём умении причитывать! Она приняла все это достаточно спокойно, призналась, что это правда, и она согласна исполнить то, что мне надо, вот только справится со своими делами. Меня это удивило и порадовало! Обычно приходилось долго уговаривать, убеждать в необходимости сохранения традиционных знаний для потомков!

Я напросилась помочь ей в утренних хлопотах, чем могу. Муж в это время что-то делал во дворе. У них тогда еще в хозяйстве была корова, овцы, так что хлопот было достаточно. Занятые работой, мы попутно разговаривали, и я почувствовала, будто нахожусь в гостях у близких родственников! При первой же возможности Прасковья изъявила готовность попричитать: «Пиши, я хоть отдохну!» Я включила магнитофон, объяснив, что запишет эта «машина». Вскоре мы сели за стол, пили чай, наслаждаясь пирогами... Тут же, за столом заговорили о карельских песнях, которые мне хотелось также записать. Прасковья с мужем, Григорием запели, исполнили две песни – русских народных. Продолжить пение обещали вечером, после бани. Мы с хозяйкой занялись уборкой, моем посуду, топили баню... В перерывах, отдыхая, Прасковья исполняла частушки, одну песню на карельском "Muamoni minuu šakkai..." «Мамашенька бранила...» и два похоронных плача. Вечером после бани и ужина они вместе продолжили пение русских песен».

В первый раз в 1970 году А. С. Степановой удалось пробыть у Прасковьи только два дня: закончилась магнитная лента. Но за этот короткий срок сказительница исполнила десять причитаний с объяснениями к ним, более десятка песен, частушки и немного рассказала о своей жизни, об обычаях.

Эта поездка и встреча с Савельевой была большой удачей для Александры Степановны. Она встретила человека безотказного, готового рассказать обо всем и исполнить все, что она знает. Важно было и то, что между ними сразу возникло взаимопонимание и полное доверие. К ней можно было приехать в любое время, одной или с коллегами, она всех принимала радушно. В общей сложности в командировки к ней Александра Степановна приезжала десять раз: и одна, и вдвоем, и с целой группой теле- и радиожурналистов.

Так началось многолетнее сотрудничество фольклориста-собирателя с Прасковьей Степановной Савельевой, талантливой причитальщицей, отлично знавшей традиции и культуру своего народа во всех ее областях: фольклоре, этнографии, народной медицине.

Ее песенный репертуар был обширен, она любила петь и в первые годы пела с удовольствием. Это «Мамашенька бранила...», «Уж ты мать моя родная», «Ветер дует, сподувает», «На что нас мать родила...», есть среди них и свадебные: «Из-за лесу, лесу темного», «Моя мама рано встала», «Меня-то, маменька, рано не буди», более всего песен танцевальных, то есть кадрилиных и лансье: «Уж ты мать моя...», «Право, маменька, не виновата», «По улице, по широкой», «Во лузях да лузях», «За рекою баня топится...», «Гуляла я девица...», «Уж я думала, подумала» и др. Прасковья обладала прекрасным, сильным голосом, вкладывала в песню всю душу, пела с чувством. Если певцов оказывалось несколько, то ведущей, несомненно, являлась она и в силу свойств голоса, и в силу отличной памяти.

С годами, особенно после смерти мужа, в связи с болезнями, она пела все меньше, предпочитая причитывание.

Прасковья Степановна усвоила от своей тётки многие элементы магии и тексты заговоров. Но эта область народной традиции особая, весьма деликатная. Исполнительница верила в силу магического слова и ритуала, иногда занималась и практикой в области народной медицины. Поэтому она неохотно раскрывала свои познания. Как вспоминает Александра Степановна, она если что-то и «отдавала» для записи на магнитофон, то совсем немного; о чем-то рассказывала лишь не для записи. И, как большинство верящих в магию и считающих себя способными ею владеть, не раскрывала всё действие до конца, то есть не давала «ключика», самого заветного слова, в котором и заключается главная сила. Таким образом, эта сторона ее репертуара осталась отчасти закрытой для нас.

С Прасковьей Степановной было исключительно легко работать. Она была человеком общительным, контактным. Не терпела фальши, не любила лести, вела себя с любым собеседником с чувством собственного достоинства. Характер у неё был «крутой», как она сама любила выражаться. Речь ее исключительно образная, она знала множество шуток-прибауток, пословиц и поговорок, метких сравнений и определений. Слушая её, испытываешь истинное наслаждение от звучности языка, его богатства, красоты и образности.

Обладая от природы острым умом, смекалкой, отличной фольклорной памятью и талантом рассказчика, она мгновенно понимала, чего от нее хотят именно в данный момент. Особенно наглядно это проявилось во время съёмок видеочерков. Участники съёмочной группы поражались тому, как точно и тонко она улавливает ситуацию, как естественно ведёт себя перед камерой. Её не надо было «учить», направлять. Перед ней только ставили «задачу», и она исполняла всё как нельзя лучше.

Причетная традиция П. С. Савельевой

Причеть была любимым жанром Прасковьи Савельевой. Неоднократно в беседах она подчеркивала, что может причитывать о чём угодно, по любому поводу, подходящему для оплакивания. Ей надо было только знать конкретные детали, факты из жизни человека, о котором или которому она причитывает.

От Прасковьи Савельевой записано около сотни причитаний, такого количества во второй половине XX века, не удалось записать ни от одной карельской исполнительницы. Но здесь, безусловно, необходимо отметить талант и трудолюбие собирателя и ту работу, которую проделала А. С. Степанова, найдя подход причитальщице и регулярно записывая ее в течение 31 года, с 1970 по 2001.

Причитывать Прасковью Степановну, по ее словам, «жизнь научила». Традицию причитывания П. С. Савельева усвоила в молодости, активно практиковать начала в годы Великой Отечественной войны, оставшись на оккупированной территории. Вся ее семья, все родственники эвакуировались, а она не смогла выехать. Работала прачкой. Стирала белье в отдалении от жилья, на берегу озера, то есть была практически одна. Там, в лесу, в одиночестве, от тоски по родным и близким, она начала складывать причитания.

Она уже не помнила, какими были ее первые опыты. Но это были импровизации о себе, своей участи, одиночестве среди чужих людей. Судя по записям, у Савельевой своя, выраженная индивидуальная манера исполнения, и в то же время причитания её строго традиционны. В них соблюдаются все особенности поэтического языка и стиля, круг мотивов и тематика, и в целом специфика жанра. Таким образом, утверждение о том, что «жизнь научила причитывать», справедливо лишь отчасти. Жизнь вынудила, побудила, но склонность, навыки создания причети, знание особого, сакрального языка исподволь закладывались у карельских девушек уже с раннего возраста.

С давних времен и вплоть до 20-х годов XX века у карел считалось, что каждая женщина должна уметь причитывать в переходные моменты в жизни близких. Такими были свадьба – выданье дочери замуж, отлучение ее от рода; смерть близких – уход из жизни, переход человека в иное состояние, иной мир. Более поздними по происхождению считаются рекрутские плачи, исполнявшиеся во время проводов сыновей, мужей и других родственников на службу в армию, на войну, что также могло обозначать долгую, а порой и вечную, разлуку.

Обычно знания о том, как складывать причеть, передавались от матери к дочери. Но мать Прасковьи Степановны была родом из д. Святнаволок, где проживали карелы-людики и где причитывали отчасти по-русски. Хорошей причитальщицей была тётка со стороны отца, знавшая традицию Сегозерья. Вероятно, её влияние было определяющим. И естественно, наличие таланта у самой Савельевой, умение импровизировать, создать на традиционной основе индивидуальное произведение.

В последующие годы мастерство Прасковьи постоянно совершенствовалось, её стали приглашать на похороны для оплакивания покойников от имени родственников, причитывать на проводах молодых ребят в армию.

А. С. Степанова подробно обсуждала с плакальщицей, как она складывает причитание, как рождается текст:

Прежде, чем начать причитывать, ты сначала задумалась. О чем ты думала?

– Я думала, как начать... Начать, чтобы получилось лучше... Или кому говоришь, к кому обращаешься...

– А ты продумываешь плач сразу до конца...?

– Нет, об этом я не думаю, потом придет само... Раньше у меня не случилось ошибок, а теперь уже в словах ошибаюсь. Это я сразу понимаю... Не подошло слово, не то слово...

– Так скажи, что не так, какое слово?

– Надо было сказать получше... Когда я прощаюсь с народом (собравшимся). Тут мне..., когда начинаю у народа-общины прощения просить, то ... тут мне надо было еще сказать: «Ой, славный народ-община, спорядовые соседи, все простите меня», а у меня это слово...

– А если повторно исполнишь это причитание, слова будут точно те же, что и здесь?

– Все слова? А вот сейчас не знаю, будут ли те же? В каком состоянии я буду?

– И ты не обдумываешь все заранее?

– Нет, нельзя ... это невозможно сделать заранее!

– Так потом придет все само? Откуда это приходит?

– Все приходит само... надо сложить, чтобы слова сошлись лучше, «складнее», чтобы плач получился более «складным»!

– Так ты слова «складываешь» в то время, когда причитываешь?

– Да!

– Не продумываешь заранее?

– Невозможно продумать, как же? Знать бы, где ошибешься, так и не сказал бы так. Не знаешь, ведь, как пойдет... Ну, а там само собой и приходят слова... Когда я матери стану причитывать. Или хоть кому... слова сами и складываются.

– Как только ты начнешь и ...

– Как начну, продумаю только начало... кому причитываю... Самое начало... А потом и пойдет само;... кому я исполняю, кого зову... так и сложится причеть⁴.

В 2001 году сотрудница карельского радио Елена Карпова тоже говорила об этом с Прасковьей Степановной:

– Расскажи мне, ты сейчас сразу, с ходу сочинила этот плач? Слова сами приходят?... Или это у тебя где-то записано?

– Не записано. Так, само. С ходу в голову приходит... Многие считают себя причитальщицами, а что они умеют?... Умру, так мне никто не попричитает. А ведь в прежнее время причитывали...

– А в этой деревне нет причитальщиц?

– В нашей деревне уже нет. Одна вроде мелет в Кумсе. А нет уже хороших причитальщиц. Надо, чтобы «складно» причитывали, слова сходились «складно».

– А как приходят именно те слова? Почему же они мне в голову не приходят?

– И тебе придут... только начни плакать. Если у кого обиды и печали, так и придут слова (ФА 3625/8).

Традиционно плачи не имеют строго устойчивого текста, который можно заучить и повторять его вновь и вновь. Причеть – это всегда импровизация, ее нельзя дословно продумать заранее. В то же время она должна представлять собой «определенным образом организованную структуру со своими законами построения, устойчивым кругом ритуально заданных мотивов. Все это должно быть отражено в определенной последовательности. Кроме того, необходимым

⁴ Фонограммархив Института языка, литературы и истории КарНЦ РАН. Кассета 3406/ единица хранения 18. Далее: ФА номер кассеты/номер единицы хранения на ней.

условием является соблюдение жанровых особенностей поэтического стиля... И особенно важно использование иносказаний, табуированных наименований всех терминов родства и многих ритуальных понятий, предметов [Степанова, 2003, с. 24–35, 183–189]. Прежде всего, надо знать «нужные слова», то есть знать традиционный плачевый язык, набор образных словесных формул, табуированных наименований-метафорических замен. По неписаному, но строгому закону причети причитывающая не только никогда не называла покойного умершим («телом», «покойником», «трупом»), но и не смела назвать «мужем, сыном» ..., а себя «женой, матерью» ... и т. п. На все эти слова как бы наложено табу – запрет, связанный в своих древнейших формах со стремлением уберечь причитывающую и других членов рода от дальнейшего воздействия злых сил, уже проявившихся в смерти оплакиваемого [Чистов, 1960, с. 13]. Следовало соблюдать поэтические и стилистические особенности плачей: параллелизм, аллитерацию и др. [Степанова, 2003, с. 24–35].

Это все женщины усваивали с малых лет от старших, никто их специально не обучал, могли только подсказать, посоветовать, о чем и как «складывать» плач. В дальнейшем все зависело от таланта исполнительницы [Степанова, 2003, с. 109–127]. А жизнь, печали и невзгоды побуждают причитывать, то есть импровизировать. В бытовых причитаниях наибольший простор для импровизации, и хотя тематика их схожа, но каждый такой плач – самостоятельное произведение. Перед исполнением причитальщица обычно задумывается на какое-то мгновение, сосредотачивается. И уже начав, причитывает без пауз, не останавливаясь.

А. С. Степанова, общаясь с П. С. Савельевой, столкнулась и с таким редким, но не единичным явлением, как причитывание по поводу собственной кончины. Еще в 1970-е г. в Олонце она встретила с подобным: пожилая женщина, хорошая причитальщица, продиктовала своим дочерям слова похоронных причитаний, которые следовало исполнить, хотя бы прочесть в самые ответственные моменты похоронного ритуала [Степанова, 1976, с. 20–22]. Так поступила и Прасковья Степановна, но она исполнила их на магнитофон. Первая подобная запись была сделана её племянником, и плёнка хранилась у неё, но мы получили копию этой записи (ФА 3255/32). Различные версии плачей на собственные похороны записывались от неё неоднократно и собирателями, и ее племянниками.

Причитание является одним из самых сложных жанров для записи собирателем, мало кто из информаторов готов исполнить его не во время обряда. Нужен особый настрой исполнителя, душевные силы. Прасковья Степановна, сама осознавая свой талант и свою известность, никогда не отказывалась исполнять плач для записи.

Круг исполняемых Прасковьей Степановной плачей в целом разносторонний, но основную часть в нем занимают плачи похоронные, поминальные и внеобрядовые, или бытовые. Традиционных свадебных менее всего, так как в ее молодости старинный крестьянский свадебный обряд уже отмирал. Она рассказывала, как в детстве наблюдала свадьбу, на которой ещё причитывали, но о чем и в какие моменты, это в ее памяти не отложилось.

В сборнике, посвященном причетной традиции П. С. Савельевой, который готовит А. С. Степанова, плачи на данный момент условно разделены по темам: похоронные (их 25 единиц); плачи находящимся при смерти, или «живой плач» (3); плачи на собственные похороны исполнительницы (7); поминальные (11); свадебные (7); рекрутские, при проходах в армию (6); причеты о собственной жизни (19); плачи родственникам и соседям (11); плачи собирателям (8). Таким образом, в репертуаре Прасковьи Степановны 35 похоронных причитаний, треть из всех записанных.

Причитание в сегозерском похоронном обряде

Похоронный обряд карелов в отечественной науке как этнограф исследовал Ю. Ю. Сурхаско, а как фольклорист – У. С. Конкка и А. С. Степанова [Сурхаско, 1985; Конкка, 1992; Степанова, 2004]. Сейчас данным вопросом занимается С. А. Минвалеев [Винокурова, 2018; Минвалеев, 2019]. В традиционном похоронном обряде карелов причитания занимали ведущее место. «Без причитывания, подчеркивала Прасковья Степановна, нельзя похоронить ни единого человека!» Если из близких родственников никто не умел причитывать, приглашали опытную причитальщицу, такое случалось уже с середины XX в. Прасковья Степановна до конца своей жизни при необходимости и по приглашению откликалась на такие просьбы. Причитаниям придавалась важная роль при подготовке пути покойного в иной мир, в Туонелу, особенно при проходах на кладбище и опускании в могилу. При помощи причеты общались с ранее умершими родичами и просили их встретить вновь прибывшего у ворот Туонелы, царства мертвых.

Судя по записям, сделанным в XX в., в Сегозерье начинали причитывать, когда покойный уже обмыт, одет и уложен на лавку в красном углу, головой к иконам. Приехавших на похороны родственников уже во дворе встречали причетью; затем причитывали при изготовлении гроба, при выносе, по пути на кладбище, особенно при подходе к нему. Карелы верили, что покойный понимает язык причеты и на все вопросы может дать ответы, явившись во сне.

Все эти моменты отражены в причитаниях Савельевой. В первом же плаче, после обмывания, одевания и укладывания на лавку, обращаются к покойному с вопросом: по нраву ли его обмыли и одели, доволен ли усопший. Несколько причитаний посвящено встрече приехавших на похороны родственников, уже во дворе. В них нет напрямую сообщения о происшедшем, но мифологические символы – водный поток, еловый лес, связанные в народном представлении со смертью, с похоронами, с кладбищем, говорят прибывшим о случившемся.

На этих да на широких дворах уличных
к приходу кручинного стана /«эго/,
еловые лесочки повырастали...,
реченьки через дорогу протекли...
Печальной песчаной земелюшкой все пообсыпано.
И благословенные печальные птички (птицы печали?)
Мудрых Спасушек уселись во дворе... (ФА 1337/12).

Этот плач исполнен от имени дочери покойницы. В следующем, исполненном в такой же момент, но уже двоюродной сестре, плачая как бы ведет ее по двору и спрашивает, догадывается ли прибывшая, отчего произошли изменения во дворе: «выросли высокие ели, двор обсыпан песком, речки/ручьи протекают, на дверях сидят птицы в печали». Таким образом, иносказательно сообщается прибывшим о произошедшем. Эта же символика встречается в причитаниях, исполненных Прасковьей Савельевой на собственные похороны. В них, в дополнение, «изменения» произошли и внутри дома: «сенях все изменилось»; в избе «все углы почернели и посинели» (ФА 3255/27).

Изготовление гроба тоже сопровождали причитыванием, просили сделать его удобным, легким, из сухих досок, и обязательно с «окошком». Его делали с правой стороны, примерно 6 на 6 сантиметров, на уровне глаз, со стеклом. Назначение его в том, чтобы покойный мог видеть, как живет его семья, родные. В причети спрашивают, изготовлен ли гроб по всем правилам и благодарят плотников за работу. Если что-то сделано не так, то это тоже отмечается в плаче. Прасковья в 1982 г. исполнила плач, в котором сокрушается, что ее брату изготовили гроб без окошка (ФА 2707/8). Брат умер вне дома и его привезли уже в гробу, и она положила в гроб вместо окошка кусочек стекла. Укладывание усопшего в его «вечное жилище, в вековечный домик» также сопровождалось причетью.

По утрам «будят покойного на завтрак». У гроба причитывали родственники, пока усопший находился в доме. Таких плачей у Прасковьи несколько, часть из них она исполняла по просьбе родных: от имени дочерей, жен, детей, оставшихся сиротами. В одном из них исполнительница как бы воспроизводит услышанный ею плач невестки у гроба своей свекрови, которую укоряет за то, что та не любила ее и всячески обижала. Но с другой стороны, она все-таки благодарит за то, что свекровь любила ее детей и нянчила их (ФА 2708/1). Это редкий случай, когда «нарушен» обычай говорить о покойнике либо хорошо, либо ничего.

Вынос из дома, подход к кладбищу и около могилы – все эти моменты сопровождались причитыванием, что считалось особенно важным. Таким образом «оповещали» ранее умерших родственников, чтобы они встретили усопшего «с зажженными восковыми свечечками», иначе покойный мог заблудиться или его могли «облаять собаки у ворот Туонель».

Народ верил в то, что ушедшие на тот свет понимают только язык причети. Такие утверждения мы слышали в экспедициях постоянно. Так, причитальщица в Олонце рассказывает нам: «Вчера была на кладбище, на могиле дочери, не могла причитывать, голова болела! Ночью дочь показалась во сне и говорит: “Ты приходила, мама, вчера и не поговорила со мной!” Завтра пойду, попрочитаю». То же самое говорила Прасковья, и всегда обращалась к умершей матери со словами причети!

В Сегозерье причитывать прекращали сразу после закрытия могилы.

Если ходили на могилу на второй день, тоже могли причитывать, но это уже более позднее явление. Прасковья Степановна исполнила такой плач по

нашей просьбе, а точнее – проговорила его в качестве примера, без напева (ФА 3509/12,13,14), что доказывает его нетрадиционность. По традиции карелы после похорон ходили на кладбище только на девятый день и на сороковой.

Кладбищенская роща считалась «священной рощей». С ней было связано множество запретов и правил поведения людей. «Все имеющееся на кладбище считалось достоянием покойников... Сюда приходили только для поминовения усопших, ... и то лишь до полудня – после полудня нельзя было беспокоить покойников. На кладбище не разрешалось шуметь, смеяться, нельзя было ничего уносить с собой, срывать ветки, цветы, есть ягоды... Обо всем этом пожилые люди предупреждают детей и в наши дни. Существовало много запретов, несоблюдение которых может навлечь на себя гнев и месть покойников» [Конкка, 1992, с. 76–77]. В результате нарушения этих табу человек мог серьезно заболеть, и считалось, чтобы избавиться от этих заклятий, нужен был очень сильный, опытный колдун-знахарь. О таких случаях в экспедициях рассказывали очень часто.

Выводы

Вклад П. С. Савельевой в сохранение и развитие причетной традиции карелов сложно переоценить. Она на протяжении десятилетий была центральным участником практических всех похоронных ритуалов д. Мяндусельга и соседних населенных пунктов. Ее плачи провозжали в иной мир умерших и являлись мостиком между представителями двух миров. Она сделала бесценный вклад в фиксацию карельской причети, позволив собирателям на протяжении тридцати лет записывать плачи и всю ритуально-обрядовую практику, связанную с похоронами и поминанием умерших в Сегозерье. Это особенно ценно, так как традицию причитывания на данный момент можно считать полностью угасшей [Конкка, 2022, с. 42].

В общей сложности от П. С. Савельевой сделано более пятидесяти часов аудиозаписей и пять часов видео. Все материалы хранятся в фонограммархиве ИЯЛИ КарНЦ РАН. Кроме того, совместно с национальной редакцией Карельского телевидения создано три видеоочерка. От неё производили аудио- и видеозаписи многие отечественные, а также и финские фольклористы, лингвисты и этнографы. Небольшая часть фольклорного наследия П. С. Савельевой опубликована [Степанова, 1976; Никольская, 1981; Конкка, 1980].

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Винокурова, И. Ю. Поминальная обрядность карелов-людиков: ареальная характеристика на фоне общих и локальных традиций соседних народов / И. Ю. Винокурова, С. А. Минвалеев // Этнографическое обозрение. – 2018. – № 4. – С. 152–170.

Иванова, Л. И. Особенности фольклорной традиции карельского Сегозерья в XIX–XXI вв. / Л. И. Иванова // Вестник Северо-Восточного федерального университета им. М. К. Аммосова: Серия Эпосоведение. – 2018. – № 2 (10). – С. 50–59

Иванова, Л. И. Портрет севернокарельского сказителя XIX в. в записях финских собирателей / Л. И. Иванова // Кижский вестник. Выпуск 17. – Петрозаводск: КарНЦ РАН, 2017. – С. 235–245.

Конкка, У. С. Вечная печаль. Карельские обрядовые плачи / У. С. Конкка. – Петрозаводск; Москва: Common Place, 2022. – 320 с.

Конкка, У. С. Духовная культура сегозерских карел конца XIX – начала XX в. / У. С. Конкка, А. П. Конкка. – Ленинград: Наука, 1980. – 216 с.

Конкка, У. С. Поэзия печали. Карельские обрядовые плачи / У. С. Конкка. – Петрозаводск: Карельский научный центр РАН, 1992. – 296 с.

Минвалеев, С. А. Представления и обряды православного происхождения в похоронно-поминальной обрядности карел-людииков и их динамика / С. А. Минвалеев // Финно-угорский мир. – 2019. – № 2. – С. 183–194.

Никольская, Р. Ф. Материальная культура и декоративно-прикладное искусство сегозерских карел / Р. Ф. Никольская, А. П. Косменко. – Ленинград: Наука, 1981. – 262 с.

Степанова, А. С. Карельские плачи. Специфика жанра / А. С. Степанова. – Петрозаводск: Периодика, 2003. – 215 с.

Степанова, А. С. Карельские причитания / А. С. Степанова, Т. А. Коски. – Петрозаводск: Карелия, 1976. – 534 с.

Степанова, А. С. Толковый словарь языка карельских причитаний / А. С. Степанова. – Петрозаводск: Периодика, 2004. – 304 с.

Степанова, А. С. Эпические песни Южной Карелии / А. С. Степанова // Фольклористика Карелии. – Петрозаводск: Карельский филиал АН СССР, 1989. – С. 45–54.

Сурхаско, Ю. Ю. Семейные обряды и верования карел / Ю. Ю. Сурхаско. – Ленинград: Наука, 1985. – 172 с.

Чистов, К. В. Причитания / К. В. Чистов. – Москва – Ленинград: Советский писатель, 1960. – 447 с.

Niemi, A. R. Vienan läänin runonlaulajat ja tietäjät / A. R. Niemi. – Helsinki: Suomalaisen kirjallisuuden seura, 1921. – 1183 s.

REFERENCES

Chistov, K. V. Prichitaniya / K. V. Chistov. – Moskva; Leningrad: Sovetskii pisatel', 1960. – 447 s.

Ivanova, L. I. Osobnosti fol'klornoi tradicii karel'skogo Segozer'ya v XIX-XXI vv. / L. I. Ivanova // Vestnik Severo-Vostochnogo federal'nogo universiteta im. M. K. Ammosova: Seriya Eposovedenie. – 2018. – № 2 (10). – S. 50–59.

Ivanova, L. I. Portret severnokarel'skogo skazitel'a XIX v. v zapis'ah finskih sobiratelei / L. I. Ivanova // Kizhskii vestnik. Vypusk 17. – Petrozavodsk: KarNC RAN, 2017. – S. 235–245.

Konkka, U. S. Vechnaya pechal'. Karel'skie obr'adovye plachi / U. S. Konkka. – Petrozavodsk – Moskva; Common Place, 2022. – 320 s.

Konkka, U. S. Duhovnaya kul'tura segozerskih karel konca XIX – nachala XX v. / U. S. Konkka, A. P. Konkka. – Leningrad: Nauka, 1980. – 216 s.

Konkka, U. S. Poeziya pechali. Karel'skie obryadovye plachi / U. S. Konkka. – Petrozavodsk: KarNC RAN, 1992. – 296 s.

Minvaleev, S. A. Predstavleniya i obryady pravoslavnogo proishozhdeniya v pohoronno-pominal'noi obryadnosti karel-lyudikov i ih dinamika / S. A. Minvaleev // Finno-ugorskii mir. – 2019. – № 2. – S. 183–194.

Nicol'skaya, R. F. Material'yaya kul'tura i dekorativno-prikladnoe iskusstvo segozerskih karel / R. F. Nicol'skaya. – Leningrad: Nauka, 1981. – 262 s.

Stepanova, A. S. Karel'skie plachi. Specifika zhanra / A. S. Stepanova. – Petrozavodsk: Periodika, 2003. – 215 s.

Stepanova, A. S. Karel'skie prichitaniya / A. S. Stepanova, T. A. Koski. – Petrozavodsk: Kareliya, 1976. – 534 s.

Stepanova, A. S. Tolkovyi slovar' yazyka karel'skih prichitanii / A. S. Stepanova. – Petrozavodsk: Periodika, 2004. – 304 s.

Stepanova, A. S. Epicheskie pesni Yuzhnoi Karelii / A. S. Stepanova // Fol'kloristika Karelii. – Petrozavodsk: Karel'skii filial AN SSSR, 1989. – S. 45–54.

Surhasko, Yu. Yu. Semeinye obr'ady i verovaniya karel / Yu. Yu. Surhasko. – Leningrad: Nauka, 1985. – 172 s.

Vinokurova, I. Yu. Pominal'naja obryadnost' karelov-lyudikov: areal'naya karakteristika na fone obshchih i lokal'nyh traditsii sosednih narodov / I. Yu. Vinokurova, S. A. Minvaleev // Etnograficheskoe obozrenie. – 2018. – № 4. – S. 152–170.

Niemi, A. R. Vienan läänin runonlaulajat jä tietäjät / A. R. Niemi. – Helsinki: Suomalaisen kirjallisuuden seura, 1921. – 1183 s.